

На заполнение этой таблицы у него ушло целых сорок минут, тридцать пять из которых он потратил на воспоминания о прошлом. И пока он всерьёз предавался размышлениям, Цинь Ихэн сидел напротив, составив ему компанию: положив ногу на ногу и запустив руки в карманы пальто, выглядя невероятно эффектно и элегантно. Чу И чувствовал себя провинившимся учеником, которому велели переписывать домашнее задание, а сидевший напротив учитель Цинь ничего не делал — лишь терпеливо ждал. Когда голова Чу И окончательно отказалась соображать, он перепроверил всё в последний раз и протянул таблицу Цинь Ихэну.

Цинь Ихэн немного выпрямился и взял листок из его рук. Чу И вытянулся в струнку и непроизвольно поджал губы, ожидая вердикта.

В этот раз Цинь Ихэн изучал текст не менее внимательно. Вдруг он немного опустил бумагу и вскинул взгляд на Чу И:

— Бумажные самолётики?

Чу И кивнул:

— Угу.

Цинь Ихэн недоумевал:

— Это ещё что такое?

Чу И виновато посмеялся. Звучало это действительно диковато, но ведь это сам учитель Цинь просил написать всё как можно подробнее!

— Кажется, в старшей или средней группе детского сада, — пояснил Чу И, — воспитательница устроила соревнование по запуску бумажных самолётиков. Сначала между группами, потом в масштабе параллели, а затем и среди всей школы. И я во всём занял первое место. — Чу И поднял указательный палец: — Мне даже грамоту дали!

Строгое выражение лица Цинь Ихэна наконец смягчилось, словно он представил себе эту картину:

— И что же там было написано? «Поздравляем маленького Чу И с победой в школьном состязании по запуску бумажных самолётиков»?

Чу И рассмеялся — со стороны это и впрямь выглядело довольно комично.

— Ну примерно, — Чу И немного подался вперёд, опершись локтями о стол. — Мама за эту грамоту даже купила мне мороженое.

— Мороженое, — неожиданно повторил Цинь Ихэн. — Тебе нравится мороженое?

Вот уж умеет выхватывать главное. В этом весь Цинь Ихэн.

Чу И тут же ткнул пальцем в бумагу:

— Я это вписал!

Цинь Ихэн действительно опустил взгляд и прочитал приписку чуть ниже:

«Мороженое (правда, любил его только в детстве, взрослому уже кажется самым обычным)».

Выражение лица Цинь Ихэна заметно потеплело.

— А это? — продолжил допрос Цинь Ихэн. — Что за «завязывание шнурков»?

Чу И вскинул брови. Если Цинь Ихэну было интересно слушать, то ему — рассказывать:

— За это мне тоже дали грамоту! Правда, тут обошлось без отборочных туров: классная руководительница просто выбрала пару человек от класса. И среди них я завязал шнурки быстрее всех в школе.

Цинь Ихэн кивнул, полюбопытствовав:

— А почему учительница выбрала именно тебя?

Чу И пошутил:

— Наверное, у меня лицо человека, который мастерски завязывает шнурки.

Цинь Ихэн сдержанно улыбнулся:

— Ты очень остроумен.

Чрезвычайно исчерпывающая оценка. Чу И не то чтобы развеселил Цинь Ихэна, зато его самого искренне забавила эта преувеличенная серьёзность.

— Сам не знаю, почему она выбрала меня, — качнул головой Чу И. — Но ты же знаешь, как это бывает в начальной школе: учителя всегда больше любят послушных и успевающих учеников.

Цинь Ихэн чуть склонил голову набок:

— То есть ты хочешь сказать, что был послушным и отлично учился?

Чу И принял скромно-небрежный вид:

— Возможно, — а затем беззастенчиво добавил: — А ещё учителя любят симпатичных.

Цинь Ихэн усмехнулся — кажется, он уже привык к такой манере Чу И — и вполне серьёзно кивнул:

— Выходит, маленький Чу И был в классе и самым послушным, и самым красивым, и самым успевающим.

— Я этого не говорил, — с показным кокетством отозвался Чу И.

Цинь Ихэн опустил голову, глухо посмеиваясь:

— Ты очень милый.

Чу И вздохнул про себя: «Господин Цинь, это всего лишь капля моего юмора...»

Цинь Ихэн продолжил читать дальше:

— Прыжки на скакалке?

На этот раз Чу И ответил сам, не дожидаясь расспросов:

— Ага. Но тут достижения скромнее: всего лишь четвёртое место в параллели, так что в финал я даже не прошёл.

Цинь Ихэн одобрительно кивнул:

— Тоже неплохо.

Должно быть, уверившись, что Чу И действительно ничего от него не скрывает, Цинь Ихэн почитал ещё пару минут и аккуратно сложил листок. В конце концов, если тот занёс в список даже такие мелочи, как бумажные самолётики и завязывание шнурков, скрывать ему точно было нечего.

Но если Цинь Ихэн на этом закончил, то Чу И — нет. Заметив, что Цинь Ихэн собирается встать, он поспешно коснулся его руки, призывая остаться на месте.

Цинь Ихэн недоумённо посмотрел на Чу И.

— Ты узнал обо мне столько личного, теперь и я должен узнать тебя поближе, — заявил Чу И.
— Так будет честно.

Цинь Ихэн чуть приподнял бровь, снова опустился на стул и терпеливо спросил:

— И что именно ты хочешь узнать?

Чу И указал на сложенную бумагу в руках собеседника:

— Заполни точно такую же анкету для меня. И обязательно как можно подробнее!

Цинь Ихэн наклонил голову, внимательно глядя на Чу И.

В этом взгляде сразу чувствовался босс крупной компании с многотысячным штатом. От этого единственного взгляда у Чу И в груди всё сжалось. Казалось, Цинь Ихэн вот-вот скажет: «А ты заслужил право знать меня?»

Впрочем, робость Чу И длилась недолго: Цинь Ихэн тут же сменил гнев на милость. Его голос прозвучал мягко:

— Хорошо.

«Но почему вы выглядите таким довольным, господин Цинь? Неужели оттого, что обменялись анкетами, прямо как в школе?»

Чу И не стал забивать себе голову лишними мыслями и спросил:

— У тебя есть исходный файл?

Цинь Ихэн кивнул:

— На планшете.

Чу И вспомнил, что, когда они пришли, планшет лежал на журнальном столике в гостиной на первом этаже. Он снова удержал собирающегося подняться Цинь Ихэна:

— Сиди, я сам сбегаю.

Чу И и сам не понимал, отчего ему вдруг стало так радостно. Может, потому что радовался Цинь Ихэн, а его настроение передалось и ему. А может, радовался предвкушению того, что скоро узнает о предпочтениях Цинь Ихэна.

На самом деле он смутно ощущал: его отношение к Цинь Ихэну постепенно менялось. Возможно, зарождалась симпатия. Если честно, проникнуться симпатией к невероятному красавцу, который к тому же относится к тебе с такой заботой, — дело совершенно естественное.

Но Чу И казалось, что всё зашло чуть дальше обычной симпатии. Он, похоже, начинал влюбляться в Цинь Ихэна. Правда, в этой влюблённости он ещё не был до конца уверен. Зато в чём он точно не сомневался — так это в том, что ему ужасно нравилось проводить время с Цинь Ихэном.

Спускаясь по лестнице, Чу И качнул головой, держась за перила. Да и какая разница! Ну нравится и нравится, что в этом такого — любить собственного мужа?

Он быстро забрал планшет и лёгкими, цокающими шагами вернулся в кабинет. Цинь Ихэн уже включил принтер и достал кабель. Чу И подошёл ближе и помог ему подсоединить провод. Цинь Ихэн открыл документ и отправил его на печать.

Домашний принтер был небольшим — видимо, купленным на случай экстренной необходимости, — поэтому печатал он чрезвычайно медленно.

Чу И стоял рядом с Цинь Ихэном, и они оба, опустив головы, следили за работой устройства. Пи-пи-пи, пи-пи-пи...

Вдруг Цинь Ихэн едва заметно шевельнулся, Чу И уловил это движение краем глаза и слегка приподнял голову. В тот же миг Цинь Ихэн опустил взгляд на Чу И.

Их взгляды встретились.

Чу И моргнул и непроизвольно облизнул губы. У него возникло отчётливое предчувствие: атмосфера вокруг меняется.

Свет оставался прежним, но внезапно в нём проскользнула романтическая чарующая нотка. Воздух в комнате ничуть не изменился, но наполнился незримым двусмысленным током.

Переглядывание длилось всего три секунды, после чего оба без слов всё поняли. С поразительным взаимопониманием Чу И зажмурился, едва Цинь Ихэн склонил голову, и тут же ощутил его ожидаемый поцелуй.

Прохлады уличного ветра уже не осталось — губы Цинь Ихэна были тёплыми, даже чуть теплее, чем у самого Чу И. Сначала он лишь слегка прикоснулся к его губам, затем чуть наклонил голову, избегая касания носов, мягко обхватил нижнюю губу Чу И и приласкался к ней языком.

Поиграв с его губами, Цинь Ихэн углубил поцелуй. Чтобы Цинь Ихэну было удобнее, Чу И запрокинул голову и приоткрыл рот. Он вдыхал ртом, ощущая густой мужской аромат Цинь Ихэна.

Голова Чу И налилась тяжестью. Сегодня Цинь Ихэн был невероятно нежен.

Хотя касался его только губами — не обнимал, не придерживал за плечи, а их руки так и оставались в карманах, — Чу И казалось, что Цинь Ихэн ещё никогда не был настолько нежным. Словно бережно заботился о сокровище, желая подарить ему радость. И вместе с тем размягчить, разнежить его.

Чу И и правда совершенно размяк.

Но при этом и затвердел.

Кхм-кхм.

Когда они наконец отстранились друг от друга, у Чу И подкосились ноги, и он покачнулся. К счастью, рядом стоял стол, на который он опёрся плечом, с трудом удерживая равновесие.

<http://bllate.org/book/18385/1767765>